РАЗДЕЛ II. ГРАНТЫ И ЭКСПЕРТИЗА В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Андрей Вадимович Кортунов
кандидат исторических наук,
Фонд «Новая Евразия», Президент.
Тел. (495) 621-20-65;
AKortunov@neweurasia.ru

НОВАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Вряд ли кто-то будет отрицать ценность международного сотрудничества в развитии общественных и гуманитарных наук. Формирование глобальных научных и образовательных рынков, резкое усиление географической мобильности ученых и экспертов, бурное развитие сравнительных исследований — все это настоятельно диктует необходимость дальнейшего развития международных научных связей, отработки наиболее эффективных механизмов взаимодействия специалистов из разных стран. В этом же направлении действует и тенденция к внедрению системы взаимного признания кредитов и использования двойных дипломов в ведущих университетах Европы и Северной Америки, а также то очевидное обстоятельство, что многие проблемы, являющиеся объектами внимания общественных и гуманитарных наук, носят по определению транснациональный или даже глобальный характер.

Тем не менее, приходится констатировать, что задача интеграции российской общественно-гуманитарной науки в мировой научный дискурс остается в целом нерешенной. В этом плане гуманитарии сильно отстают от своих коллег — естественников. В сфере естественных наук уже можно говорить о формировании единого глобального научного рынка со своими общими стандартами, механизмами работы, понятийным аппаратом, принципами оценки результатов и пр.; в общественных и гуманитарных науках пока делаются лишь первые попытки продвинуться в данном направлении. Конечно, в различных дисциплинах картина складывается достаточно неоднородная: экономика носит в целом более «международный» характер, чем политология, а общественные науки существенно обгоняют науки гуманитарные. И тем не менее, можно говорить о наличии общих проблем, которые препятствуют успешной интеграции российской общественной и гуманитарной науки в мировое научное пространство. Причем с течением времени становится все более очевидным, что эти проблемы не решатся сами собой, без целенаправленных и последовательных усилий как государства, так и всего российского научного сообщества.

Разумеется, необходимо сделать оговорку относительно того, что понимается под научным сотрудничеством. Если говорить о формаль-

ных механизмах научного взаимодействия — о количестве международных конференций, семинаров, симпозиумов, о числе международных стажировок и научных командировок, то складывающаяся картина выглядит довольно обнадеживающе (хотя по мере ухода ведущих западных фондов из России и эти формальные механизмы стали давать сбои). Однако когда речь заходит о результатах совместной научной работы — коллективных монографиях (не путать со сборниками докладов, представленных на конференциях!), о публикациях в референтных периодических изданиях, о совместных аналитических докладах, то надежда становится более чем эфемерной. Достаточно посмотреть на индекс цитируемости российских ученых в ведущих западных журналах, чтобы сделать вывод о том, что о сколько-нибудь масштабной интеграции пока говорить не приходится.

Даже в случаях реального научного сотрудничества, его содержательный аспект очень часто обнаруживает «неоколониальную» природу такого сотрудничества. Российские участники проекта занимаются главным образом производством интеллектуального «сырья» (социологические опросы, полевые исследования, сбор статистики), в то время как их западные партнеры берут на себя обработку эмпирического материала и выведение конечного продукта на международный научный рынок. Подобная асимметрия, вполне естественная в начале 90-х гг. прошлого века, сегодня уже не может быть списана на трудности переходного периода. Складывается устойчивое разделение функций, которое воспроизводится снова и снова и закрепляет ущербный статус российских обществоведов и гуманитариев.

Кроме того, в большинстве случаев включенность российских ученых-обществоведов в международные научные проекты ограничивалось специфической сферой западного страноведения (того, что по традиции называется «советологией»). Между тем «советология» как была, так и в значительной мере осталась своеобразным «интеллектуальным гетто», со своей архаичной методологией, с постоянно присутствующей политизацией научных исследований, с весьма специфическими традициями. «Советология» всегда была изолирована от базовых дисциплинарных исследований — она всегда воспринималась как особый жанр. Включенность в «советологические» проекты не обязательно предполагает интеграцию в базовые дисциплинарные исследования. Помимо всего прочего, акцент на страноведение превращает российских ученых в заложников научной конъюнктуры — российская тематика, как и любая другая страноведческая тематика, может просто выйти из моды. При падении интереса к России значительная часть российских обществоведов и гуманитариев автоматически исключаются из международного научного общения, что мы и наблюдаем в последние годы.

Отставание независимости общественно-гуманитарного блока от естественнонаучного объяснимо и неизбежно. Во-первых, естественные науки не испытали на себе столь сильного деформирующего воздействия идеологии в советский период и потому имели очевидные преимущества в условиях глобализации. Во-вторых, в естественных науках всегда существовал единый язык, единый методологический

аппарат, единая система базовых понятий, чего нельзя сказать об общественных и гуманитарных науках. В-третьих, в силу ряда причин на международных (в первую очередь, на западных) научных рынках в последние десятилетия сохраняется устойчивый дефицит кадров в естественных науках при их одновременном перепроизводстве в общественно-гуманитарной сфере.

Таким образом, стартовые условия международного сотрудничества для гуманитариев были не слишком благоприятными. Конечно, и в этой сфере уже в 90-х гг. сложился своеобразный «экспортный сектор»: практически в каждой дисциплине появились исследователи, работающие преимущественно на западные научные рынки, участвующие в международных научных проектах, публикующие свои работы на английском языке и проводящие значительную часть своего времени в западных университетах и исследовательских центрах. К сожалению, за очень редким исключением, этот «экспортный сектор» до самого последнего времени был почти не связан с развитием соответствующих научных дисциплин в самой России; он развивался по своим собственным законам и лишь очень опосредованно воздействовал на эволюцию внутреннего научного рынка.

Следует заметить, что развитие «экспортного сектора» выявило очевидное противоречие между индивидуальными и институциональными мотивациями в развитии международного научного сотрудничества. Реализация индивидуальных исследовательских проектов на Западе представителями российских университетов и академических институтов далеко не всегда вела к усилению исследовательского потенциала последних. Напротив, многочисленные стажировки стали одним из наиболее явных механизмов «утечки мозгов» — стажеры часто не возвращались в пославшие их институты, предпочитая научную карьеру за границей или переход на работу в частный сектор.

Как представляется, одна из проблем общественных и гуманитарных наук в России — отсутствие навыков планирования и управления проектной деятельностью. Характерно, что при проведении многочисленных конкурсов эксперты, как правило, отмечают, что качество индивидуальных заявок выше, чем качество коллективных проектов. Выстраивание крупного (особенно междисциплинарного и географически распределенного) проекта, действительно, представляет собой достаточно сложную задачу, требующую особых навыков, традиций, а также мобильного профессионального сообщества, позволяющего «штучно» привлекать экспертов из самых различных организаций. Управление научным проектом существенно отличается от руководства кафедрой или сектором в академическом институте. По всей видимости, необходимо рассматривать задачу подготовки проектных менеджеров как самостоятельное и весьма важное направление развития общественных и гуманитарных наук.

Не менее важным фактором, препятствующим международному сотрудничеству, остаются проблемы методологии и понятийного аппарата. К сожалению, вопросы общей методологии дисциплинарных исследований (не говоря уже об исследованиях междисциплинарных) очень редко становятся темой детального обсуждения на международных

конференциях. Российские участники конференций воспринимаются чаще всего как обладатели уникального эмпирического материала, нуждающегося в дополнительной систематизации, обобщении и встраивании в западные методологические конструкции. Эта ущербная роль российских обществоведов и гуманитариев часто вполне устраивает наших западных партнеров, но можем ли мы сами считать подобное положение нормальным?

Стоит обратить внимание и на еще одну тривиальную, но крайне существенную проблему: профессиональное знание иностранных языков и умение работать в «западном» формате. Очень значительная часть ресурсов отечественных общественных и гуманитарных наук остается невостребованной на международных рынках исключительно потому, что носители данных ресурсов либо вообще не владеют иностранными языками, либо не обладают навыками подготовки докладов, научных статей, монографий в формате, привычном для западной научной аудитории. Отсюда возникает проблема адаптации российских разработок для международных научных рынков; для решения этой проблемы часто приходится прибегать к услугам иностранных соавторов и редакторов (разумеется, в ходе такого рода адаптации часть научного продукта теряется, а часть — существенно искажается).

Ни в коей мере не претендуя на то, чтобы предложить оптимальные решения всех вышеперечисленных проблем, хотелось бы обозначить контуры возможной модели международного сотрудничества в сфере общественных и гуманитарных наук, которая, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует нынешнему уровню развития отечественного обществоведения и может быть применена в различных дисциплинах. Данная модель должна отвечать следующим начальным условиям, которые можно определить как необходимые и достаточные.

Во-первых, она должна обеспечить переход от формально-презентационных алгоритмов сотрудничества (семинары, конференции) к содержательным (совместная реализация научных проектов).

Во вторых, ее отличительной особенность должно стать сочетание собственно научного измерения и тренингового компонента (т. е. участники сотрудничества с российской стороны должны иметь возможность усваивать западные стандарты научной работы и постепенно переходить от производства научного «сырья» к производству готовой продукции).

В-третьих, модель должна предполагать наличие баланса между индивидуальными интересами отдельных исследователей, включенных в проект, и институциональными интересами структур, с которыми связаны эти исследователи (университеты, академические институты и пр.).

В-четвертых, необходимо найти механизмы конвертации полученного научного знания в учебные материалы, поскольку в современных условиях оторванная от учебного процесса фундаментальная наука не может претендовать ни на общественное признание, ни на серьезное финансирование.

В-пятых, новая модель не должна предполагать резкого разрыва с существующими формами международного научного сотрудничества; напротив, она должна стать естественным продолжением и разви-

тием существующих международных связей и, соответственно, быть приемлемой не только для российских ученых, но и для их западных партнеров.

Возможно ли выполнение всех этих, достаточно сложных и противоречивых условий в рамках одной модели? На наш взгляд, принципиальных препятствий для этого нет, хотя в каждом конкретном случае акцент может делаться на их различные комбинации. Ни в коей мере не претендуя на представление разработанной во всех деталях модели, хотелось бы, тем не менее, предложить ее первое, весьма схематичное изложение. Добавим, что эта модель основана на достаточно разнообразном опыте, охватывающем как различные общественно-гуманитарные дисциплины, так и разнообразные типы зарубежных партнеров.

Первый этап — определение приоритетной тематики международного проекта. Если речь идет о действительно двустороннем, равноправном международном сотрудничестве (а не об очередном варианте передачи «западного опыта» российскому партнеру), то и тематика международного проекта должна отвечать интересам обеих сторон. Иными словами, тематика международного проекта должна быть привлекательна для западных партнеров не только потому, что под данную тематику объявлен конкурс, имеется донор и т. п., но и в силу наличия достаточно многочисленных профессиональных групп, работающих в данной тематике независимо от возможного партнерства. Практика показывает, что наиболее перспективными являются (1) междисциплинарные и (2) сравнительные исследования, позволяющие сформировать мощные коалиции заинтересованных исследователей, не ограниченных узкими рамками региональной проблематики.

Второй этап — выявление институциональной базы для возможного проекта. У российских участников международного сотрудничества в течение длительного времени была тенденция ориентироваться на ведущие исследовательские и образовательные центры США и Европы в качестве наиболее перспективных, статусных партнеров (Гарвард и другие университеты «Лиги плюща» в США, Оксфорд и Кембридж в Великобритании и т. д.). Между тем практика показывает, что гонка за лидерами — далеко не всегда наиболее эффективная стратегия развития международных связей. Ведущие западные центры (к этой категории можно сегодня отнести также и наиболее статусные университеты Восточной Азии) во многих случаях настолько «перекормлены» международными проектами, что уже не имеют существенных стимулов к дальнейшему расширению географии и тематики своих международных связей. К тому же они редко готовы к действительно двустороннему сотрудничеству, в большинстве случаев рассматривая себя как поставщиков научного знания и наставников российских партнеров. Более перспективной может оказаться ориентация на учебные и исследовательские организации «второго эшелона», перед которыми остро стоят вопросы о выходе на мировые научные рынки, привлечении иностранных студентов и преподавателей, повышении своего рейтинга и расширении спектра научной деятельности в целом. Работая со структурами «второго эшелона», можно рассчиты-

вать на устойчивый интерес и готовность партнеров к более сбалансированному формату взаимодействия.

Третий этап — проектное планирование. Критическая важность планирования для успешной реализации любого проекта более чем очевидна; без четкого представления о содержании предполагаемой научной деятельности, формате сотрудничества, сроках, участниках, бюджете, механизмах мониторинга и критериях оценки эффективности никакой проект не может быть успешным. Разумеется, очень часто многие из вышеперечисленных параметров заложены в условия конкурса, в рамках которого осуществляется проект. Однако здесь также заложены и потенциальные риски — выстраивание проекта «под донора», фиксация на требования и рекомендации последнего нередко ведет к снижению эффективности сотрудничества. Формальные показатели (количество проведенных конференций и стажировок, число представленных докладов и стажировок) начинают рассматриваться как самоцель, отодвигая на задний план реальные научные итоги взаимодействия. Кроме того, любой донор нуждается в обратной связи — в предложениях, критических замечаниях и рекомендациях со стороны своих грантополучаталей. В идеале обратная связь и выстраивается в ходе проектного планирования, когда грантополучатели и донор уточняют параметры проектной деятельности, согласовывают конкретные направления и финансовые детали проекта. Надо сказать, что пока управление проектной деятельностью остается одним из самых явных слабых мест российской общественной и гуманитарной науки, что, безусловно, существенно снижает международную конкурентоспособность последней.

Четвертый этап — формирование проектной команды. Задача формирования команды может оказаться достаточно сложной, особенно если речь идет об институционально и географически распределенном проекте. И дело здесь не только в том, что привычные участники международного сотрудничества далеко не всегда готовы допускать в свой круг новых людей, особенно из числа молодых ученых и аспирантов. Одним из результатов произошедшей в прошлом десятилетии «атомизации» российского научного сообщества стала утрата единых научных стандартов, вернее — готовности большинства ученых этим стандартам следовать. Поэтому, например, так трудно дается нам в последние годы жанр «коллективной монографии» (на деле большинство т. н. «коллективных монографий» представляют собой не более чем сборники индивидуальных работ). Как представляется, для формирования проектной команды необходимо, как минимум, два условия: (1) конкурсный отбор ее участников и (2) наличие жесткого и подробного технического задания на каждый компонент исследовательского проекта. При этом ключевое значение имеет выбор руководителя проекта, способного удержать проект в запланированных содержательных и организационных рамках. Как показывает опыт, полезным инструментом формирования команды может стать предпроектный семинар или конференция, позволяющие провести окончательный отбор участников проекта и обеспечить единство методологии и стандартов для всех компонентов проектной деятельности.

Пятый этап — отработка алгоритма взаимодействия с партнерами. Пожалуй, этот этап является самым деликатным в реализации проекта. С одной стороны, крайне важно избежать уже привычного для нас патернализма иностранных партнеров, превращения проекта в улицу с односторонним движением. С другой стороны, крайне нежелательной представляется и противоположная крайность — когда проект превращается в формальный обмен исследовательскими наработками, без попыток их реального совмещения. Практика подсказывает, что очень многое определяется на первой встрече партнеров (установочный семинар или конференция), и от способности российской стороны подготовиться к этой первой встрече в значительной степени зависит успех дальнейшего сотрудничества. Желательно еще до проведения встречи четко определить те содержательные и методологические проблемы, где участие иностранных партнеров было бы особенно ценным, и рассматривать встречу не как площадку, где можно «отчитаться» о своей уже проделанной работе, но как возможность получить ценные консультации и рекомендации в отношении предстоящих исследований. Таким образом, научное общение с зарубежными партнерами может приобрести и другое измерение — стать ненавязчивой формой тренинга для российских участников.

Шестой этап — координация проектной деятельности в распределенном режиме. Если предыдущий этап можно считать самым деликатным в реализации международного научного проекта, то данный этап, безусловно, оказывается самым трудоемким. Координировать протяженный во времени и распределенный в пространстве проект всегда сложно, даже при наличии относительно эффективных механизмов общения (Интернет, видеоконференции, периодические встречи). Работу по координации приходится вести на двух, а иногда и на большем количестве языков. Приходится также учитывать не всегда предсказуемые индивидуальные графики основных участников проекта, возможную смену их планов, институциональной принадлежности и пр. Подчас в ходе работы выясняется, что реальные результаты проекта принципиальным образом отличаются от ожидаемых, сроки проекта не выдерживаются, а первоначально согласованные бюджеты оказываются заниженными. Правильный выбор руководителей проекта с российской и зарубежной стороны, а также умение руководителей выстраивать гибкие отношения с донором помогают минимизировать проектные риски, но не предотвращают их полностью. Очень важно с самого начала предусмотреть создание кадрового резерва по основным направлениям проектной деятельности, а также выстроить реалистический график работы по проекту, соответствующий возможностям вовлеченных в работу исследователей.

Седьмой этап — оформление результатов проектной деятельности. В данном случае речь идет не о формальных итоговых отчетах донорам — содержательных или финансовых; подобные документы, как правило, не имеют широкого распространения в научном сообществе. Значительно более важным представляется обеспечить своевременный «вброс» результатов исследований в соответствующие целевые аудитории, причем в той форме, в которой эти аудитории в наи-

большей степени готовы данные результаты воспринять. На этом этапе поддержка иностранных партнеров приобретает решающее значение, если, конечно, в российской команде нет лидеров, уже основательно встроенных в западный научный дискурс. Пожалуй, наиболее ценным (но и весьма сложно достижимым) результатом научного проекта можно считать публикацию в профильном (не «советологическом»!) международном журнале или коллективную монографию в одном из ведущих западных университетских издательств. Более оперативным механизмом является организация секции (панели) на ежегодных конвенциях международных или национальных профессиональных ассоциаций. В некоторых случаях можно еще более повысить уровень оперативности, опубликовав публицистическую статью журнального или газетного формата в одном из престижных изданий. Наконец, ту же функцию презентации результатов исследования может выполнить статусная публичная лекция в заметном университете. Конечно, все эти шаги не могут быть заменой усилий по распространению результатов исследовательского проекта в России.

Восьмой этап — конвертация результатов проекта в учебные материалы. Как правило, такое условие не является обязательным при осуществлении международных исследовательских проектов, поскольку в западных общественных и гуманитарных науках связь между собственно исследованием и учебным процессом достаточно органична. Однако в российских условиях, когда традиционный разрыв между наукой и образованием вряд ли можно считать делом прошлого, представляется весьма существенным предусмотреть дополнительный учебный компонент в программу работ по гранту, даже если такой компонент и не диктуется донором. С одной стороны, вовлечение аспирантов и даже студентов старших курсов в международное научное сотрудничество поможет создать кадровый резерв, о котором говорилось выше. С другой стороны, создание новых учебных курсов, подготовка пособий и учебников на базе ведущегося международного проекта способствует повышению ценности проекта для российского университета, если проект разворачивается на его институциональной базе. Практика показывает, что наличие образовательного компонента повышает устойчивость международного научного сотрудничества, снижая зависимость этого сотрудничества от внешних источников финансирования.

Девятый этап — закрепление результатов сотрудничества. Любой проект может так и остаться единичной инициативой, не имеющей сколько-нибудь долгосрочных последствий, если уже на стадии его реализации не предпринимается усилий для поиска новых направлений сотрудничества. При этом речь может идти как о изыскании ресурсов для продолжения начатых исследований, так и о выходе на смежные области с целю расширения спектра потенциального взаимодействия с зарубежными партнерами. Важно, чтобы эта работа велась не на финальной стадии проекта, когда мотивация его участников, как правило, быстро снижается, а на всем его протяжении. Тогда появляется реальная возможность превратить отдельный удачный проект в комплексное и долгосрочное сотрудничество с партнерской организацией.